

Мюллер Л.

**Проблема христианизации России
и ранней истории русского христианства¹**

Из массы проблем истории христианизации России, которые все еще требуют исследования, я хочу выхватить одну, которая кажется мне знаменательной для современной жизни мирового православия. В докладах данного коллоквиума неоднократно упоминалось, что одной из важнейших проблем Восточно-Православной Церкви является проблема единства и многообразия этой церкви – церковного единства соборного православия при разнообразии самостоятельных, друг от друга независимых, разделенных церковно-правовыми, политическими, языковыми и культурными границами, часто даже друг от друга отсеченных отдельных церквей.

Для Русской Православной Церкви эта проблема имеет значение под различными углами зрения. Обсуждению подлежит, с одной стороны, Церковь изнутри с ее центробежным национально-церковным движением, а с другой, ее отношение с Матерью-Церковью, Греко-Византийской Православной Церковью, но не только в контексте церковно-правовой, но и национальной, языковой и культурной проблемы, которая была и до сих пор является столь важной для религиозного и национального становления русских от начала более чем тысячелетней истории русского христианства вплоть до современности. Эта проблема рассматривалась уже русскими церковными писателями XI столетия, позднее снова ставшая актуальной во времена упадка Византийской империи, и сыгравшая важную роль во время смуты в Церкви, вызванной в XVII веке реформами Никона.

Однако определенную роль играет, по-видимому, и чисто академическая дискуссионная, казалось бы, возвышенно-научная историография ранней истории русского христианства. Уже около сотни лет в русской церковно-исторической литературе можно наблюдать тенденцию рассматривать и объяснять почти все события и персоналии ран-

¹ Источник: Müller L. Probleme der Christianisierung Russlands und der Frühgeschichte des russischen Christentums // Aspects de l'orthodoxie. Strasbourg, 1978. P. 67-77. Перевод К. А. Костромина, 2006.

ней истории Русской церкви в аспекте противоположности Русской и Византийской церквей. Между ними видят постоянный конфликт, который имелся всегда в скрытой форме и время от времени проявлялся явно – в большинстве случаев в литературной полемике, часто в виде церковно-правового спора, а иногда даже в вооруженном противостоянии. У некоторых исследователей этого направления (прежде всего, у Приселкова² картина вырисовывается таким образом, будто бы единственным или по крайней мере основным интересом новообращенных в христианство русских было бороться против греческого христианства или хотя бы против юрисдикционной зависимости Русской церкви от Греческой).

Таким образом интерпретировалась уже древнерусская легенда об апостоле Андрее, которая отодвигает предысторию русского христианства до апостольских времен, и связывает ее с именем апостола³. В занесенной в так называемую Несторову летопись легенде рассказывается, как апостол Андрей, собравшись двинуться в Рим со своей миссионерской территории в Черном море, чтобы сообщить своему брату Петру об успехах его миссии, побывал в Крыму и узнал там, что рядом находится устье Днепра. Тогда он якобы отправился вверх по Днепру до того места, где позднее возник Киев, далее через Новгород в Балтийское море и в Швецию, и только оттуда в Рим. На месте позднего возникшего Киева он якобы воздвиг крест, а в Новгороде наблюдал, как местные славяне мылись в бане, и об этом он якобы потом рассказывал в Риме. Этот рассказ долгое время считали правдивым, и некоторые ученые хотят до сих пор соглашаются, что в нем содержится как минимум некое историческое ядро. На мой взгляд, Голубинский уже почти 100 лет назад доказал, что рассказ этот абсолютно недостоверен, и что в нем нет никакого исторического основания⁴. Но легенда занимала ученых и позднее – теперь уже не по поводу совсем уж мнимых событий, о которых она сообщает, но скорее из-за тенденций, которых придерживались изобретатели этой истории, которых нужно искать в XI или XII веке.

² Ср.: *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 1913. Впрочем, у Приселкова много заслуг, особенно в исследовании и публикации древнерусских летописей.

³ Ср. мою статью: *Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Летописи и хроники: сб. ст. 1973. М., 1974. С. 48-63.* Я собираюсь скоро издать статью в сильно расширенном варианте также на немецком языке.

⁴ *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. I. Ч. 1. М., 1901. С. 19 слл.

Легенду часто рассматривали в связи с якобы постоянно наличествующим конфликтом между Русской и Греческой церквями. Утверждалось, что легенда об апостоле Андрее направлена против греков с двух точек зрения; во-первых, и об этом говорится если не прямо, то хотя бы между строк, потому что христианство впервые пришло на Русь не в IX или X веке от греков, а уже в первом, и принесено было не греческими миссионерами, а непосредственно господним апостолом; во-вторых, также говорилось между строк, потому что апостол Андрей, который выступал в византийской легенде как учредитель церкви Византия, в Киеве побывал до его посещения Византия. Поэтому церковь Киева даже старше чем церковь Константинополя, и было бы неправомерно, чтобы русская церковь зависела от византийской⁵. В действительности в легенде об апостоле Андрее, как она передана в летописи Нестора, обо всем этом не говорится, ни в строках, ни между строк. Здесь вовсе не утверждается о самом Андрее, что именно он принес христианство на Русь; «между строками» даже говорится, что местность позднейшего Киева была вообще необитаема во времена апостола. В летописи Нестора это звучит так: «Утром встал он и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взойдя на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу»⁶.

Мы видим: Андрей по этому рассказу – вовсе не основатель Русской церкви: он не проповедует, никого не обращает, никого не крестит, не ставит епископа, не основывает общину; то что он молится, практически само собой разумеется; то, что он сооружает крест и пророчит грядущее величие Киева, должно было быть, несомненно, приятно слышать киевлянам XI столетия, но это не имеет церковно-правового значения: на таких действиях апостола нельзя было обосновывать право на автокефалию. Легендарное появление апостола на месте позднее возникшего Киева не может использоваться для возведения церковно-правовых фикций.

Теперь можно спросить: для чего тогда вообще придумана эта легенда? Я уверен, она не вовсе «придуманна», она «выросла».

Христианская церковь характеризуется в своих базовых вероисповеданиях как «апостольская». Этим она хочет сказать, что она воз-

⁵ Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород. С. 52.

⁶ Несторова летопись в: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Изд. 2-е. Л., 1926. Стб. 7 сл.

вращается к апостолам, которые были свидетелями исторического явления Бога в Иисусе Христе. «Апостольская» обозначает: состоящая в непосредственной связи через непрерывную традицию с событием Явления. Каждая самостоятельная церковь заинтересована каким-либо способом исторически определять это свое «апостольство». В Древней Руси это делали тремя способами. Наиболее исторически точный и богословски тонкий способ охарактеризовать апостольство Русской церкви находится в той же самой Несторовой летописи в очевидном (да и не полемически ли задуманном?), противоречии с легендой об апостоле Андрее: «Если и не были здесь апостолы сами, однако учение их, как трубные звуки, раздается в церквах по всей вселенной...»⁷ Апостольство церкви состоит в том, что ее учение везде и всюду – одно, оно состоит в ее кафоличности (соборности): Церковь есть апостольская, так как она соборная, и кафолическая, ибо она апостольская.

Но так как вера во всем стремится к конкретике, ибо она стремится ощутить, увидеть, услышать святость, она охотно связывает ее с конкретными вещами. В Древней Руси русское христианство связывалось с двумя апостолами: Павлом и Андреем. Об апостоле Павле предполагали, что он был в Иллирике, «где первоначально жили славяне. Поэтому учитель славян [имеются ввиду славяноговорящие народы] – апостол Павел, из тех же славян – и мы, русь; поэтому и нам, Руси, учитель Павел...»⁸. Об апостоле Андрее знали, что он обошел Черное море, и киевляне X, XI и XII веков, считая, что Черное море вроде бы близко, могли прийти к мысли, что для апостола Андрея южная Русь также была близка, что он вполне мог однажды ступить своей святой ногой на горы, на которых позднее возник Киев, и что он мог установить крест на том месте, где теперь стоит красивая, построенная Растрелли церковь апостола Андрея, высоко над Днепром, подобно тому, как он действовал, согласно византийской легенде, в других местах вокруг Черного моря. Однако с другой стороны, его не хотели считать основателем Русской церкви, так как это слишком противоречило бы всем историческим преданиям и сразу встал бы вопрос: каков результат апостольского основания церкви? Почему она не смогла удержаться? Таким образом, он преподносился древнерусской легендой все же не как апостол и миссионер, а просто как путешественник в Киев. Его путь из Черного моря в Рим пролегал по знаменитому водному пути

⁷ Там же, под 983 годом. Стб. 83.

⁸ Там же, под 898 годом. Стб. 28.

«из варяг в греки», т.е. от Балтийского моря через Неву, Волхов, Днепр в Черное море, но только в противоположном направлении. На этом основании Андрей стал, прежде всего, апостолом для южных стран, посетив Русь и даже русский север, и теперь даже появился южный анекдот, который знакомит с северорусскими банными обычаями и уже может не удивляться им, связывая его с именем Андрея.

Таким образом, легенда об апостоле Андрее возникла из-за желания связать Русь, страну без апостолов, задним числом все-таки конкретно с определенным апостолом; далее, из пожелания, чтобы хоть один из апостолов мог бы здесь побывать, родился вопрос, не мог ли действительно один из них здесь побывать; а из этого вопроса, в свою очередь, родилось предположение, что один из них здесь был. Но церковно-историческая фикция осталась непримененной в церковно-правовых реалиях, и легенда об апостоле Андрее – это не свидетельство мнимого постоянного конфликта между русской и византийской церковью: легенда ни провизантийская, ни антивизантийская; скорее, она есть трогательное свидетельство того, как в 1100 году в национальном порыве захотели привязать русское христианство к апостольскому происхождению христианства. Подобным образом, как легенда об апостоле Андрее, интерпретировалось и сообщение летописи Нестора об обращении и крещении князя Владимира и всего народа⁹.

Этот пассаж, в научной литературе неоднократно называвшийся «Корсунской легендой» (по месту Корсунь-Херсонес в Крыму, где, видимо, произошло крещение), излагает ход событий следующим способом. Владимир с 980 года правит в Киеве; он – сильный и уважаемый князь, но язычник и «побежден женской похотью». К нему пришли миссионерские посольства от мировых религий, соседствующих с Русью: сначала от мусульман-болгар на Волге, потом от «немцев из Рима», далее от иудеев-хазар на Дону и в конце концов от православных греков. Чтобы уверенно решать вопрос, какая религия лучше, он со своей стороны посылает посольства к мусульманам, потом к немцам и затем к грекам¹⁰. Богослужение мусульман представляется отталкивающим для русских послов, немецкое кажется холодным, они не

⁹ Там же, под 980-988 годами. Стб. 79-121. Немецкий перевод содержится в кн.: *Vijnoch J. Zwischen Rom und Byzanz*. Graz, Wien, Köln, 2 Auflage, 1972. S. 167-190.

¹⁰ Как ни странно, Владимир не посылает посольства в Хазарский каганат. Очевидно, рассказ летописи Нестора об обращении Руси заимствован из разных источников, которые летописец не смог объединить до конца.

находят там «красоты», но они поражены красотой греческого богослужения. Владимир с боярами решает принять религию греков. Но по причинам, которые остаются неясными из летописного рассказа, Владимир не крестится сразу, а устраивает поход против греческого города Херсонес (Корсунь) в Крыму.

Он дает обет, что крестится, если возьмет город. Это ему удается, но крещение снова отлагается. Он посылает к императору в Константинополь и требует руки сестры императора. Ему обещают ее при условии, что он крестится. Он обещает это, но лишь временная потеря зрения приводит его, наконец, к тому, чтобы выполнить это намерение. Непосредственно после крещения он вновь обретает зрение; вскоре после этого он сочетается браком с византийской принцессой и, взяв с собой иконы и мощи, возвращается с ней в Киев и там позволяет крестить весь народ.

Этот рассказ также объяснялся как литературное свидетельство мнимой сдержанной борьбы между грекофильской и грекофобской партиями в Русской церкви конца XI века¹¹. По Приселкову он был сочинен неким греком из Херсонеса, который жил якобы в конце XI века в Киеве и хотел этим рассказом показать, что христианизация Руси была исключительно заслугой греков, что Владимир был похотливым и грубым князем, который действует не по внутреннему убеждению, а только из желания сочетаться браком с дочерью императора, и лишь благодаря непосредственному вмешательству Бога посредством заболевания глаз он наконец вынужден принять христианство. С одной стороны, содержание Корсунской легенды якобы доказывает право церковной зависимости Русской церкви от греческой, а с другой, оклеветав Владимира, «ликвидирует вопрос после его канонизации»¹². Якобы фальсифицированному, тенденциозно окрашенному сообщению «Корсунской легенды» Приселков противопоставляет свидетельство других, якобы лучших источников, в которых ничего не говорится об участии греков в обращении Владимира; здесь Приселков подразумевает, прежде всего, речь митрополита Илариона о Владимире Святом и Житие Бориса и Глеба, написанное монахом Нестором.

Я не утверждаю, что Корсунская легенда – это во всех отношениях надежный исторический источник, точно описывающий крещение Руси. Но, во-первых, я оспариваю, что в ней содержится отстаиваемая Приселковым тенденция, и, во-вторых, что другие упомянутые источ-

¹¹ Ср. Приселков М. Д. Указ. соч. С. 274 слл.

¹² Там же. С. 274.

ники отрицают участие греческих миссионеров и епископов в обращении Владимира, а заодно и в христианизации Руси.

Если в «Корсунской легенде» описываются грехи похоти Владимира, то это описание определено относится ко времени перед его крестинами; то, что такие прегрешения не мешают канонизации, показывают многочисленные истории обращения – от Марии Магдалины до Марии Египетской и от апостола Павла до Августина. Далее, инициатива христианизации Руси нигде в летописном рассказе не исходит от греков; скорее сначала от мусульман, которые посылают к Владимиру посольство, потом от Владимира, который шлет посольства по собственному почину, и, наконец, собственно в Корсунской легенде, снова от Владимира, который осаждает греческий город, берет его и вынуждает императора на брак с его дочерью.

Я полагаю также, что «Корсунская легенда» греческого происхождения. Однако она – не сознательное, тенденциозное изобретение интерполятора или фальсификатора, но она – совершенно очевидно «Корсунская», как называют херсонскую версию истории крещения Руси. В городе, который находился сравнительно близко от княжества Владимира, и был связан с крещением Владимира столь волнительным образом, предание об этих событиях могло, пожалуй, оставаться живым довольно продолжительное время. И если хотят видеть в этом рассказе какую либо тенденцию, то лучше всего она выражается, пожалуй, в словах, с которыми греческие императоры убеждают свою сопротивляющуюся сестру в том, чтобы она пошла на жертву: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны!».¹³ Факт, что русы захватили греческий город, и что варварский князь может жениться на порфирородной византийской принцессе, заставил жителей города придать объяснению произошедшего религиозный смысл.

Летописец, который в конце XI века собирал сообщения о крещении Руси, к тому времени уже события столетней давности, узнал и об этой корсунской версии, отдав ей преимущество – очевидно, не благодаря ее «тенденциозности», а так как он считал ее исторически правильной. При этом он был готов добросовестно сообщить нам, что наряду с предпочитаемой им версией имелись еще минимум четыре другие версии по поводу места, даты и обстоятельств крещения Владимира¹⁴.

¹³ Летопись Нестора. Стб. 110.

¹⁴ Там же. Стб. 110. «Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят – в Василеве, а другие и по иному скажут».

Как я могу найти в «Корсунской легенде» прогреческие церковно-политические письменные тенденции, столь же с трудом я в состоянии понять, почему Иларион и агиограф Нестор¹⁵ должны противоречить Корсунской легенде в том, что Владимира просветили и обратили греческие миссионеры. Голубинский, который приводит этот оспоренный мной тезис¹⁶, указывает на место в хвалебной речи Илариона, в которой Иларион (в 1050 году) риторически взывает к умершему в 1015 году Владимиру: «Не видел ты апостола, который пришел бы в землю твою и приклонил бы твое сердце к смирению нищетою своей и наготою, голодом и жаждой... Но ты, о блаженный, и без всего этого притек к Христу...», «без всего этого» – не значит «без греческих миссионеров», а значит «без знака и чуда»¹⁷. И если участие греческих проповедников не упомянуто здесь определенно, но выясняется из взаимосвязи, то в другом месте Иларион упоминает и о непосредственном греческом влиянии при обращении Владимира, когда говорит: «К тому же непрестанно слышал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою... И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и христианской – земле его. Так, по произволению Божию о человеческом роде, и произошло...»¹⁸. Или ниже говорится, что Владимир как бы принес из Константинополя, нового Иерусалима, крест на Русь, установил и укрепил веру¹⁹. Не в легенде об апостоле Андрее и не в «Корсунской легенде», но здесь, у якобы антигречески настроенного Илариона есть ясное указание на историческую, а также и юрисдикционную зависимость Русской церкви от Греческой.

Так же мало, как Иларион, агиограф Нестор говорит, что Владимир стал христианином без греческих миссионеров. В несколько неясных и неточных словах он изображает его обращение: «Бог дал ему ясный стимул (спону), чтобы он стал христианином, как когда-то Плакида... Как и ему, этому Владимиру Бог дал стать свидетелем явления, чтобы он стал христианином»²⁰. Что Нестор может подразумевать под

¹⁵ Агиографа Нестора нужно отличать от Нестора-летописца, по имени которого названа летопись Нестора (вероятно, по недоразумению).

¹⁶ Голубинский Е. Е. Указ. соч. С. 120 сл..

¹⁷ Древнерусский текст: Müller L. Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962. S. 108-110. Немецкий перевод: Müller L. Die Werke des Metropoliten Ilarion. München, 1971. S. 45.

¹⁸ Там же. Русское издание, С. 102 сл. Немецкое издание, С. 42.

¹⁹ Там же. Русское издание, С. 118 сл. Немецкое издание, С. 48.

²⁰ Müller L. Die altrussischen hagiographischen Erzählungen und liturgischen Dichtungen über die Heiligen Boris und Gleb. Nach der Ausgabe von Abramovic in

этим «стимулом» или «явлением»? Вероятно, здесь намекается на подробность одной из пропавших версий истории обращения Владимира; но вероятно, несколько этих неясных выражений являются только укороченной передачей того, что об обращении Владимира Нестор нашел в многословной, но малосодержательной хвалебной речи Илариона, о которой он точно знал. Как бы то ни было, участие греков в деле обращения Владимира здесь не отрицается и не утверждается – вопрос просто не ставится, так же, как в следующих предложениях не говорится, откуда прибыли священники, которые крестили Владимира и народ. Можно сказать, само это молчание – это оскорбление для греков; но тогда снова предполагается то, что нужно еще сначала доказать: что в Киеве в XI веке, и особенно в Киево-Печерском монастыре, все церковные вопросы должны были рассматриваться в первую очередь в аспекте национально-церковного противопоставления русских и греков.

То, что я показал здесь на немногих примерах, я видел во многих источниках, личностях и событиях ранней истории русского христианства²¹. Повсюду мы найдем, что уже примерно сто лет назад источники истории древнерусской церкви были объяснены в духе европейского национализма XIX и XX веков и вследствие этого были превратно истолкованы. Хотя «филетизм», акцент на особой национальной и культурной значимости отдельных православных церквей, является сильным течением, можно сказать, представляет опасность для Православия. Но что касается Русской церкви, то это течение не было так уж сильно в XI и XII веке, как оно проявилось в XIX и XX столетиях и по-

Auswahl neu herausgegeben und eingeleitet. München, 1967. S. 4. Немецкий перевод в: *Altrussische Heiligenlegenden*, herausgegeben von Konrad Onsch, Berlin [DDR] : Union-Verlag, 1977. S. 67. Перевод сделан Дитрихом Фрейданком. Слово «спона» русского текста не совсем ясно. Оно примерно означает «преграда», «трудность»; Freydanck перевел: «видение». Срезневский: «болезнь».

²¹ В более ранних работах я подробно представил проблематику так называемого акта 1037 года, который назван мнимым учреждением Киевской митрополии в 1037 году в моей книге: *Zum Problem des hierarchischen Status und der iurisdildionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039*. Köln, 1959. S. 63 ff.; и мнимой схизмой между Греческой и Русской церковью в 1051 году (по случаю поставления Илариона) в моих книгах об Иларионе (в книге 1962 года С. 2-9; в книге 1971 С. 8). К общей тематике этих статей ср. еще доклад, который я прочитал в 1970 на историческом конгрессе в Москве: *Russen in Byzanz und Griechen im Rus'-Reich // Association internationale des Etudes byzantines. Bulletin d'Information et de Coordination. No. V. Année 1971. Athenes; Paris, 1971. S. 96-118.*

степенно утвердилось. Только историки последней сотни лет, которые совсем подпали под влияние современного национализма, обнаружили свой собственный национализм в древнерусских источниках и утвердили его в форме православного филетизма. Сделав филетизм основой церковной жизни Руси уже в ранний период ее существования, они фактически сделали его основным принципом церковной жизни в России.

Трезвый анализ источников показывает, что историки смотрели на многое как бы с «передержкой» и потому давали ошибочную интерпретацию. В раннем периоде русского христианства чувство всемирной общности православных христиан, в частности, ее единство играло большую роль в отношениях между Русской православной церковью и ее Греческой церковью-Матерью, чем национальный эгоизм и ревность. Суть русского православия не сводится к филетизму, он – только одна из угроз для нее.

Таким образом, церковно-историческое исследование Русской православной церкви может помочь предостеречь русское церковное православное сознание от ненормального развития, может помочь ей узнать об угрозе филетизма, превзойти его и вернуться к той всемирной широте и к тому христианскому универсализму, который нашел такое замечательное выражение в великих творениях христианской культуры Древней Руси.